

Л. Е. Кройчик

«ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ»

(из воспоминаний фронтовиков
и тружеников тыла ВГУ)

Без малого четыре года войны.

Кровопролитной.

Безжалостной.

Ожесточенной.

Названной «Великой Отечественной».

В тылу ждали писем с фронта и вслушивались в сводки Совинформбюро.

На фронтах эти сводки обретали плоть и кровь. Много крови было.

Все было — и страх, и предательство, и отчаяние.

Но сильнее всего была вера.

Вера в то, что победим Гитлера.

Не можем не победить...

Тяжело досталась победа.

Университет отправил на фронт сотни студентов и преподавателей.

Многие не вернулись.

Аркадий Абрамов, Николай Александров, Владимир Бородин, Николай Володьков, Яков Гершанович, Иван Еремин, Константин Закурило, Владимир Лавров, Федор Марфин, Григорий Мелешко, Владимир Мясников, Алексей Пашовкин, Юлия Пикуль, Борис Свердлов, Владимир Скрябин, Николай Трофимов, Олег Хостник, Алексей Хромых...

Те, кто вернулся, увидели руины университета.

Изувеченный, искореженный, разграбленный войной, университет дождался Дня Победы.

Каким он был, тот долгожданный день?

О девятом мае сорок пятого вспоминают и фронтовики, и студенты, и преподаватели университета.

Время безжалостно — доживших до наших дней свидетелей торжества победы все меньше. Но голоса и тех, кто сегодня с нами, и тех, кто ушел, по-прежнему звучат чисто и звонко.

Давайте вслушаемся в эти голоса.

Из воспоминаний В. Н. Эйтингона

РЕБЯТА, ПОБЕДА-А-А!!!

В ночь с восьмого на девятое мая сорок пятого года я находился в составе оперативной группы Ленинградского фронта на аэродроме литовского города Шауляй.

Мы прибыли сюда, чтобы принять капитуляцию Курляндской группировки фашистских войск, отчаянно сражавшихся с Красной армией до последних дней войны.

8 мая группировка, насчитывающая сотни тысяч солдат и офицеров, приняла условия капитуляции.

Сидим на военном аэродроме — ждем утра, чтобы отправиться в город Култыга, определенный для дислокации нашей группы.

И вдруг — пальба трассирующими пулями, ракетами!

Неужели все?

В темноте ночи возникает светлый прямоугольник двери какого-то аэродромного здания.

В проеме — женская фигура: наверное, какая-то связистка команды аэродромного обслуживания.

Женский голос — то ли пьяный от восторга, то ли от выпитого вина — летит над полем военного аэродрома:

— Ребята, победа-а-а!!!

И — матерок вдогонку: видимо, от избытка чувств.

Мы — за пистолеты: палим в темные небеса...

А утром девятого мая на двух «студебеккерах» («Максим» — спереди, два «Токарева» — сзади) выезжаем в Култыгу.

Мимо нас бредут нескончаемые колонны сложивших оружие солдат и офицеров вермахта.

Молоденький солдатик, глядя на нас, негромко говорит:

— Гитлер — капут!

Я великодушно киваю головой:

— Мы уже об этом знаем.

Правда, потом — пока стояли в Култыге — по ночам выставляли боевое охранение.

На войне — как на войне.

Из воспоминаний Н. А. Плаксенко

ЭТО НАДО БЫЛО ВИДЕТЬ И СЛЫШАТЬ!

Поздний вечер восьмого мая. Я сижу в штабе Южной группы войск (так стали называть 4-й Украинский фронт, куда перебросили наш корпус после боев в Прибалтике).

Тишина. Покой.

И вдруг — отчаянная пальба.

Выскакиваем на улицу — ничего не понимаем. А дело происходит в небольшом румынском городке Джорджу, где разместился штаб нашего корпуса.

Местные жители в растерянности.

Отовсюду несутся крики:

— Разбой! Разбой!

В чем дело? И вдруг слышим:

— Германия капитулировала. Победа!

Что тут началось! Командир корпуса Васильев отдает приказ:

— Корпусу выпустить боевой комплект!

Это надо было видеть и слышать — грохот орудий, треск автоматный очередей.

И — слезы радости на глазах.

Казалось, конца войне не будет — и вот она, победа.

Все.

И тебя не убьют.

И не будет больше опасности быть раненым.

И наступит какая-то совершенно новая жизнь.

Непривычная. Непохожая на ту, что была все эти четыре года.

«Коммуна», 10 мая 1945 г.

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ ПРАЗДНИК

Здание гудит, как улей. Голоса молодых и стариков сливаются в один голос — голос радости. Рукопожатия, объятия, поцелуи.

В девять часов утра ректор Воронежского государственного университета тов. Глистенко открывает торжественный митинг. Ректор поздравляет студентов, профессоров, весь коллектив с праздником Победы. И тогда в зале становится тесно от рукоплесканий, радостных возгласов.

<...>

Первым слово берет доцент тов. Замятин:

— День, которого наш народ ждал четыре года, сегодня наступил. После невиданных в истории битв героическая Красная армия и советский народ одержали величайшую победу. Гитлеровская Германия повержена в прах.

Пройдут века, тысячелетия, но человечество не забудет этот день.

Один за другим выходят на трибуну профессора, студенты. Выступления их кратки, но богаты по содержанию, по силе чувств <...>

— За то, чтобы этот день наступил, мы боролись четыре года. Каждый камень нашего города — свидетель битв. Больше я ничего не могу сказать.

Но и этих слов аспирантки тов. Русановой достаточно, чтобы в зале поднялась новая буря рукоплесканий.

Из воспоминаний Г. С. Пашнева

С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДАЛИ ЭТОГО ДНЯ

Наступил май. В редакции ни на минуту не выключали радиоприемники: ждали правительственного сообщения. Нас разослали по подразделениям. Я был направлен к танкистам 1-го дивизиона, который размещался в небольшом лесочке, в нескольких километрах от редакции. Там тоже все ждали сообщения об окончании войны.

И вот около трех часов 9 мая из громкоговорителя, установленного так, что звуки его были слышны всему дивизиону, мы услышали голос Юрия Левитана. И после слов «Фашистская Германия безоговорочно капитулировала. Война закончена. Наступил долгожданный великий час победы!..» напряжение людей вдруг прервалось громким, похожим на раскаты орудий, «ура!!!», от которого, наверное, вздрогнули верхушки деревьев.

И потом на разные голоса: «Мы победили! Да здравствует наша Родина!»

Но из этого гула сумасшедшей радости вырывалось и глубокое горе. Седой лейтенант, может быть, впервые за войну рыдал, упав на колени и закрыв лицо ладонями. Он дождался до Победы, а на сына месяц назад пришла похоронная.

Помню, ко мне подошел тогда один танкист — высокий человек средних лет:

— Помните, товарищ старший лейтенант, призыв партии в первые дни войны: «Наше дело правое, победа будет за нами!»? Ведь так все и вышло...

Мы смотрели друг другу в глаза, не стесняясь слез...

Из воспоминаний Л. М. Савельевой (Бухалиной)

МЫ — ПОБЕДИТЕЛИ!

Стоим в предгорьях Альп. Небольшой австрийский городишко.

Каждую ночь — боевые тревоги: гитлеровцы, выходя из лесов, покрывавших горы, нападают на нас.

Так что мы всегда в боевой готовности. Спим, не раздеваясь.

Однажды среди ночи выстрелы.

Ожесточенная пальба.

Выскакиваем на улицу и ничего не можем понять — кругом огонь. Транссирующие пули чертят в темном небе блестящие линии.

Бежим к лесу сбора. Натыкаемся на незнакомого капитана. Он стоит и стреляет в небо.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Победа! — кричит он, захлебываясь от счастья.

А утром митинг.

Наспех выстроена трибуна. На фоне Альп развевается красное знамя.

В строю — солдаты и офицеры.

Победители.

А напротив — жители городка. Пришли поздравить нас с победой.

Все!

Для нас и для них война закончилась.

Из воспоминаний Г. В. Шрамковой

РАДОСТЬ-ТО КАКАЯ!

Под утро раздался резкий стук в окно. Мы с мамой жили в нашем доме, который чудом сохранился.

Мама — к окну:

— Что случилось?

До меня доносится:

— Война кончилась!

Мама натягивает платье, приговаривая:

— Доченька, вставай, радость-то какая! Войне конец.

А я растерялась — нашло какое-то оцепенение. Неужели войне, действительно, конец?

И только когда мама, счастливая, вернулась с улицы, меня словно прорвало, и я во весь голос закричала:

— Победа!!!

Из воспоминаний С. Н. Титова

ОЧЕНЬ ДОМОЙ ЗАХОТЕЛОСЬ!

Побеждали мы медленно и трудно. С 17 апреля по 2 мая прошли, считай, 60 или 70 километров. Это всего-то!

Немцы иногда сами шли навстречу, сдавались в плен ротами, взводами... Но это были те, кто узнал цену войне и не тешил себя надеждой на победу.

Не то что эссэсовцы или фольксштурмисты. Фанаты, до последней минуты верившие, что Германия победит.

Мы несли самые бессмысленные за всю войну жертвы.

Но несмотря на это, первая неделя мая была больше мирной.

Жили мы в окопах. Занимались боевой подготовкой. Проводили с нами политзанятия, на которые наш шофер Герасимов приходил в трофейных солнцезащитных очках. Он надевал их, чтобы удобнее было спать во время занятий.

Все об этом знали, но только посмеивались:

— Пусть спит!

По части прошел слух, что, как только кончится война, три Восьмых армии (наша, американская и английская) проведут в Берлине Парад Победы. Поэтому мы усиленно занимались шагистикой.

Но в параде не участвовали.

Его просто не было.

Чувствовали себя победителями, но сообщения о капитуляции еще не было.

Объявление об этом по радио было таким же неожиданным, как и долгожданным. Прозвучало оно в два часа ночи.

Началась оглушительная стрельба из всех видов оружия.

Наземь летели фуражки и пилотки.

А вечером 9 мая на батарее говорили только тосты. Спирт и трофейная колбаса — таким был наш праздничный стол.

Как вдруг захотелось домой!

Истосковались по дому и вроде бы свыклись за годы войны с этим естественным желанием. Но когда наступил самый конец, когда осталось всего чуть-чуть до возвращения, тоска по дому обострилась.

Стали считать дни.

Когда же, когда же?..

Из воспоминаний В. М. Проторчиной

ДЕНЬ БЫЛ РАДОСТНЫМ И ГРУСТНЫМ ОДНОВРЕМЕННО

Еще с вечера мы ожидали сообщения о капитуляции, а его все не было и не было. Наконец, легли спать, но радио не выключали.

И вот в два часа ночи оно заговорило...

Победа!

Все высыпали на улицу. Люди плачут, смеются, обнимаются.

Целый день я бродила по улицам города. Около здания музыкальной артисты давали концерт. А на площади был митинг.

День был радостным и грустным одновременно: радовались победе и горевали о погибших. Мама и девятого мая, и позже все ждала, что вернется наш Витя, мой брат. Или хоть какая-то весточка о нем будет.

Мы знали, что Витя был политбойцом, что воевал на Крымском фронте. Все его письма были пронизаны уверенностью в победе. Он ушел на фронт с нашего физмата и мечтал продолжить учебу после войны.

И я понимала, что 9 мая — это и его, Виктора Проторчина, День Победы.

Из воспоминаний А. Б. Ботниковой

СО ВСЕМИ ЗАОДНО

9 мая 1945 года... Наконец-то свершилось... Свершилось то, чего ждали почти полторы тысячи дней и полторы тысячи ночей. Если точнее — 1418 дней и ночей. Ждать стали с самого первого дня. Ждали, отчаивались, снова ждали... Поначалу казалось, все это ненадолго. Довоенная пропаганда уверяла, что «к походу» готовы, что «ни одной пяди своей земли» не отдадим никому...

Реальность оказалась иной. Порой до отчаяния горькой. Лишь потом, года через два, забрезжила надежда. Сейчас трудно представить себе, что война продолжалась четыре года. Всего четыре? Целых четыре! Тогда эти годы, да что годы — дни казались нескончаемыми. Военное время тянулось, а каждый день, нет, каждый миг означал чью-нибудь смерть на войне... Не скажу, что так четко это понимали, но сама нетерпеливая страстность ожидания внутренне диктовалась этой догадкой.

Особенно томительными были самые последние дни. Исход был уже очевиден. В Москве сняли затемнение... Еду в трамвае по бульварному кольцу (мне кажется, это было в начале апреля), и вдруг вижу, как в вечерних сумерках наполняются светом окна. А в них — довоенные оранжевые абажуры. Только тот, кто в течение долгих четырех лет видел затемненную, тонущую в непроглядной тьме Москву, может понять удивительное чувство от этого очевидного светопредставления. Оно было подобно узнаванию чего-то забытого, но очень дорогого...

Окончания войны ждали к 1 мая. (У нас ведь всегда что-то приурочивалось к праздничным датам). Не случилось. Ожидание было нестерпимо. Говорили только об этом. А война все тянулась... При этом продолжалась привычная, рутинная жизнь. Ежеднев-

ные занятия (я тогда училась на четвертом курсе МГУ)... Когда же? Казалось, сам воздух был напоен нетерпением.

Видимо, это было 8 мая: на занятиях по немецкой стилистике профессор Элиза Генриховна Ризель — эмигрантка из Австрии — сказала, что по радио слышала о вот-вот готовящемся подписании Германией капитуляции. День миновал, но опять никаких известий об этом...

...И вот настало 9 мая. О подписании сообщили ночью, нет, кажется, под утро. Точнее не скажу. Думаю, что время сообщения зафиксировано в соответствующих документах. Не совсем помню, как я узнала об этом — сама услышала по радио (радио тогда не выключали) или кто-то пришел и сообщил важную новость. Помню только рассеянный сумеречный свет предзакатного часа и собравшихся у нас дома людей. Откуда-то вынутая бутылка трофейного вина. Мадера. Вкуса вина не помню, а вот бутылка с вдутым вовнутрь горлышком запомнилась. Пили, конечно, за победу. Тост всех этих лет! Привычный, но теперь обретший реальность, буквально воплотившийся. Победа пришла. Новое, непривычное ощущение. Чем-то даже ошеломляющее. Неужели свершилось?

Захотелось «в толпу, в людское оживление»... Москва уже проснулась. Несмотря на ранний час, на улицах много народа. Все радостные. Обмениваются улыбками, поздравлениями... Город постепенно наполняется солнцем, и это воспринимается как что-то абсолютно само собой разумеющееся.

Целый день с компанией хожу по Москве. Заходим в какие-то квартиры. Везде накрывают на стол, угощают... Сначала в Хлебный переулок, к моей соученице Ляле Коварской. У нее телефон. (Телефонные аппараты, равно как и радиоприемники, в начале войны у всех реквизируют. Но, как всегда, кому-то телефоны оставили.) Звоним, поздравляем. Потом оказываемся на Манежной площади. Она полна народа. Всеобщее радостное возбуждение. Из репродукторов доносится музыка. Победная, конечно. Пестрая, одетая по-летнему толпа. Выделяются военные в разных формах. Кого-то качают, подбрасывая вверх. Тогда бросилось в глаза, что одетые в форму американцы выше ростом и стройнее наших. Обидно. Недоедания и рахит предшествующих лет сделали свое дело. На балконе американского посольства (оно тогда находилось на Манежной в доме, построенном Жолтовским в ренессансном стиле) — нарядные американские военные распивают шампанское, время от времени выливая содержимое бутылки прямо в столпившихся внизу у посольства людей. Те ловят ртами брызги шампанского. Все смеются.

Странно, но сейчас не могу припомнить своих тогдашних спутников. Мнилось, что со мной были все. «Я была тогда с своим народом...» — Анна Ахматова сказала эти слова по иному поводу. Но здесь, применительно к испытываемому мной в тот день, они тоже уместны. Твердо помню, как ощущала себя частью целого. Удивительное это чувство слияния, со-единения со всеми, с каждым. Больше мне испытать подобное никогда не удалось. Быть со всеми заодно — не так часто это бывает. Редкий момент полного преодоления одиночества. Чаше всеобщий подъем настроения нет-нет да и наведет на грустную или неприятную мысль. В этот же день все были полны одним чувством. Радость делала людей добрыми, они раскрывались навстречу друг другу.

С одним своим более молодым приятелем я как-то поделилась настроением этого дня. Он сравнил его с настроением футбольных болельщиков, испытывающих общий восторг от забитого мяча. Может быть, по силе охватившего всех одного состояния это и так. Точно не знаю: я не болельщик. Все-таки думаю, что наши тогдашние чувства были и чище (отсутствовал азарт), и глубже по самой своей сути, по своему содержанию. Позже словосочетание «народное единство» набьет оскомину от частого официального употребления и даже полностью утратит смысл, но тогда оно точно соответствовало охватившему всех настроению...

Один из визитов этого дня — к моей подруге Нине Ключник. Ее семья жила в огромном доме на Солянке. Они занимали там одну комнату. Типичная коммуналка тех лет. В одной квартире по меньшей мере семь-восемь семей. Отношения разные, да и люди разные и по социальному положению, и по свойствам характера. Но сегодня все заодно. Все вместе на общей кухне, общий стол, на котором выложены нехитрые и тоже

общие угощения. Танцуем в большом, заставленном разномастными вещами, коридоре. Все друг друга любят, и радость на всех одна.

...К вечеру устремляемся на Красную площадь. Станция метро «Охотный ряд» ежеминутно вываливает из недр земли на поверхность огромную людскую массу. Все устремляются в одном направлении. Я тоже...

Незадолго до этого был показан фильм Ивана Пырьева «В шесть часов вечера после войны» с кумирами тогдашних зрителей — М. Ладыниной и Е. Самойловым в главных ролях. Герои фильма, полюбившие друг друга посреди неразберихи военных событий, назначают себе свидание именно на Красной площади. И встречаются друг друга. Наивно? Конечно. Умом этого не понять. Но ведь все так ждали счастливого конца.

И вот... Шести часов еще нет, но на площади уже собралась огромная масса народа. На лицах — ожидание. Стоят, переминаясь. Вглядываются в лица, вслушиваются в реплики, в доносящиеся издали мелодии. Постепенно темнеет. На сером, еще сумеречном небе сначала появляются светлые полосы прожекторов. Это мирные прожектора...

Не знаю, довелось ли кому-нибудь встретить свое счастье тогда на Красной площади. Скорее всего, нет. Но сила надежды была огромная. Не берусь сейчас сказать, сколько продолжалось это стояние, час, два, три... Долго. Небо почернело. На короткое время его раскрасили разноцветные огни салюта. Зажглись фонари. Мы с друзьями отправились в университет. В старом его здании, в вестибюле, тоже было полно народа. Кто-то играл на аккордеоне, кто-то танцевал, кто-то просто беседовал, утомленный длинным днем.

Вернулась домой поздно, за полночь. Почему-то с грустным ощущением. Чего-то из ожидавшегося не произошло. Смутила скользнувшая надежда, что после победы все сразу станет иным. Поманила она, но не сбылась. Пока ничего не изменилось. Воевавшие солдаты не возвратились домой...

И возвратятся еще не скоро. Про грядущую японскую мы тогда, конечно, не знали, а на ней суждено было погибнуть моему двоюродному брату Владику Сперанскому, прошедшему всю войну... Но это — потом... Потом было много всего, и невеселого в том числе...

И все-таки тот день — 9 мая 1945 года — навсегда остался в памяти, как день огромной, ни с чем не сравнимой, ликующей радости. Радости со всеми заодно.

